

ИМАГИНАЦИЯ «ОРДЫНСКОГО ЛОКУСА» В ДИСКУРСЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА Д.М. БАЛАШОВА «СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ»

*Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук,
Астраханский государственный технический университет, 414052, Рос-
сия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, e-mail: dmitriybychkov@list.ru.*

В статье анализируется структура пространства исторического романа Д.М. Балашова «Сергий Радонежский», репрезентирующего «сеттинг» Золотой Орды. «Ордынский локус» интерпретируется как совокупность объектов (явлений, состояний, функций, фигур, значений переменных и т. п.), между которыми имеются отношения (непрерывность, расстояние и т.п.). В анализируемом опыте идеологического моделирования «ордынского локуса» язык пространственных отношений оказывается одним из основных средств осмысления исторически далекой от современного реципиента инотерриториальной действительности. Исторические и национально-языковые модели пространства становятся организующей основой для построения в художественном произведении «картины мира» – целостной идеологической модели, присущей современному типу восприятия.

Ключевые слова: исторический роман, художественное пространство, картина мира, имажинация, сеттинг, дискурс, когнитивный подход, Золотая Орда

IMAGINATION OF "ORDYN LOCUS" IN DISCOURSE HISTORICAL ROMAN OF D.M. BALASHOV "SERGIY RADONEGHSKY"

*Bychkov Dmitry M., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State
Technical University, 414052, Russia, Astrakhan, 16 Tatishchev, e-mail: dmitriyby-
chkov@list.ru.*

The article analyzes the structure of the space of the historical novel D.M. Balashov "Sergiy Radonezhsky", representing the "setting" of the Golden Horde. "Horde locus" is interpreted as a set of objects (phenomena, states, functions, figures, values, etc.), between existing relationships (continuity, distance, etc.). In the analyzed experience of the ideological modeling of the "Horde Locus," the language of spatial relations is one of the main means of understanding the historical recipient of interterritorial reality. "Pictures of the World" - a holistic ideological model that perceives the modern type of perception.

Keywords: historical novel, artistic space, picture of the world, imagination, setting, discourse, cognitive approach, the Golden Horde

Литературное творчество, как известно, представляет собой вербальное воплощение результатов сложной игры воображения автора, обусловленной действием не до конца изученных процессов когнитивно-дискурсивной деятельности «Homo Legens». Процесс воображения включает продуцирование образов (персонажей и предметов), трансформацию в ирреальном художественном мире объектов реальной действительности, а также выражение с помощью различных средств самого процесса творения и метаоценки результата. Для обозначения данного процесса существует общепотребительный международный термин – имажинация, применяемый, впрочем, в большинстве случаев лишь в психологии (т.н. «активная имажинация» как форма имагинативной психотерапии К.Г. Юнга). Существенное значение процесс имажинации, на наш взгляд, имеет для организации исторического дискурса, особенно если он воплощается в жанре романа. В этом плане имажинацию, думается, следует трактовать с позиций когнитивно-дискурсивного

подхода к анализу и интерпретации литературного произведения, ориентируясь в этом актуальном для отечественной филологической науки направлении на философские труды Я.Э. Голосовкера (в частности, на его сочинение «Имагинативный абсолют»), который имагинацией называл воображение как креативный создающий акт, способный непосредственно воздействовать на окружающий мир [3]. Действительно, исторические романы, например, Д.М. Балашова, отображающие в значительной мере историософскую концепцию Л.Н. Гумилёва, определили знание о взаимоотношениях Руси и Золотой Орды для многих читателей, любителей исторической беллетристики. Каков же когнитивный механизм текстуального воссоздания художественного образа «ордынского локуса» как отдаленного во времени пространства?

«Ордынский локус» – это своего рода организованный контекст в виде текстуально воплощенной истории, структурированной по законам игры: его формируют персонажи, история, происходящие с ними или по их инициативе события, вбирая в себя всё, что попадает в его сферу (новых героев, неожиданные или повторяющиеся события, персонажей, которые начинают интерпретировать эти события пр.). Соответственно, «ордынский локус», конструируемый репрезентирующим субъектом, находится в косвенной зависимости от сеттинга художественного произведения (от англ. Setting – окружение, место действия), другими словами, от игрового пространства, где происходит действие. Термином «сеттинг» можно обозначить время, условия, рамки, материальную обстановку, в которой проходит постижение пространства, представляющегося инотерриториальному субъекту «чужим», в некотором смысле ирреальным, что в некотором смысле детерминировано психологическими закономерностями восприятия, социальной идентичностью субъекта речи и его доверием к «чужому» [6]. Так, частным случаем сеттинга является «вымышленная вселенная» (например, «Средиземье» Дж. Толкина). Вымышленный сеттинг может включать собственные космологию, географию, историю, культуру. Однако сеттинг может быть не только вымышленным, но и исторически реальным, например: «Киевская Русь», «Средневековый европейский город», «Иерусалим», «Итиль – столица Хазарского каганата» и др., в том числе сеттингом являются такие геопозитические локусы современной России, как «Золотая Орда». В исследованиях пространства исторического города необходимость в понятии «сеттинг», адекватного для эстетики постмодерна, обусловлена расплывчатостью понятия «картина мира» в современной филологической науке и актуальностью культурологического подхода к решению проблемы репрезентации пространства. В определённой степени сеттинг представляет собой сеть, какой она исследуется в когнитивной науке [4]. Сеттинг исторического повествования, на наш взгляд, является априорным условием для эффективного функционирования когнитивного механизма репрезентации исторического пространства.

Сеттинг романа Д.М. Балашова «Сергий Радонежский» детерминирует фабулу и сюжетную ее реализацию. Литературное произведение, место действия в котором некоторым образом воссоздает «мультисюжетный» сеттинг, позволяют генерализировать несколько типов комбинирующихся ситуаций, не исчерпывающих, впрочем, креативную функцию репрезентирующих субъектов, преодолевающих когнитивно-дискурсивные рамки (сеттинг) стереотипичной матрицы. Таким образом, основным законом когнитивного механизма репрезентации становится стереотип восприятия, выражаясь терминологически точнее – сценарий. Сеттинг детерминирует в частности поведение персонажей, делает его, с одной стороны, стереотипным, а с другой – стимулирует к новым поведенческим реакциям в процессе восприятия «чужого», «чуждого» пространства. Данное обстоятельство объясняется психологически: социальное взаимодействие (в том числе и в коммуникативном пространстве литературы) базируется на принятии другого как объекта рецепции [6].

В когнитивной лингвистике под сценариями понимаются структуры сознания, описывающие стереотипные сцены событий. В отличие от фрейма, который является структурой для декларативного представления знаний о типизированной ситуации, сценарий представляет собой «концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении». Когнитивные структуры играют существенную роль в восприятии исторического города: с их помощью устанавливается связность текста, обеспечивается интерпретация контекстных ожиданий, которые позволяют (в том числе и читателю) прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся, сходных по структуре событий. В основе когнитивного механизма репрезентации инотерриториального локуса лежит принцип переключения культурных кодов рецепции. Являясь относительно устойчивыми, обобщёнными структурами прошлого опыта, когнитивные структуры, и в частности сценарии, позволяют предвосхищать изменения объектов, порядок развития событий, их содержание и внутреннюю связь. Элементы сценария объединяются в единое целое по определенным правилам. Каждый из компонентов сценария может быть содержательно интерпретирован в конкретных условиях своего окружения, выражая отношение знака к обозначаемому им явлению, предмету, ситуации. Приведём фрагмент из романа Д.М. Балашова, иллюстрирующего наши наблюдения: «Поскрипывали снасти, колыхалось судно, <...> тянулись, медленно проходили мимо далекие зеленые берега. Пустыня! <...> После татарских упорных погромов испуганные нижегородские русичи не рисковали, как прежде, вылезать на глядень, хоронились в лесах, по-за топами, на малых реках. И всё-таки тутошняя жизнь упорно пробивалась сквозь все приграды, укреплялась и лезла, неодолимо превращая татарскую реку Итиль в русскую Волгу...» [2, с. 312].

Важным для нашего определения свойств пространства «ордынского локуса» является также вопрос о структуре и исчисляемости его сценариев. По мнению американского лингвиста, специалиста в области когнитологии Дж. Лакоффа, в основе сценария как пропозициональной модели лежит структурная схема пути: источник – путь – цель, где источником является исходное состояние, целью – конечное состояние, а события между ними рассматриваются как точки на пути.

Сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, приписанных терминальным элементам. Так, в «астраханском тексте» можно выделить отдельные уровни сценария: поверхностно-семантический фрейм сценарной структуры, включающий значения слов, привязанные к действию; квалификаторы и отношения, связанные с участниками, инструментами, траекториями движения и стратегиями, целями, следствиями и попутными эффектами); тематические фреймы (сценарии, связанные с репрезентацией локуса, деятельностью, портретами, окружениями); фреймы повествования (скелетные формы типичных рассказов, объяснений и доказательств, позволяющие слушающему сконструировать полный тематический фрейм, содержащий конвенции о том, как меняется фокус внимания, сведения о главных действующих лицах, форме сюжета, развитии действия и т.п.).

Целостность репрезентации пространства, таким образом, придаёт сценарий (скрипт), который носит сюжетный характер и представляет собой четкую последовательность эпизодов во времени, например, о посещении и репрезентации достопримечательностей или природного ареала. Сценарий есть стереотипные эпизоды с признаком движения, развития. Физическое движение и восприятие пейзажа также служат примером изменчивости сценария: «С княжичем выезжали в город. Глядели, как по степи, сминая траву, вздымая тучи бурой пыли, движутся неисчислимы стада, рысят на мохнатых

низкорослых лошадях степные воины, слово рождаясь из травы, и чуялось: надорвись, Русь, собери всех, кого можно собрать, разбей в новой Донской битве эти неисчислимые полчища» [2, с. 319].

Инструментом оперирования в восприятии и интерпретации пространства, таким образом, становятся оперативные единицы памяти – фреймы (стереотипные ситуации, сценарии), концепты (совокупность всех смыслов, схваченных словом), гештальты (целостные дополняющие образы фрагментов мира), репрезентирующие сеттинг «ордынского локуса» как текст. Можно сделать вывод, что спектр когнитивных средств, изученных лингвистами [3] наряду со средствами репрезентации (амбивалентный феномен одновременного представления объекта), концептуализации (классификацией и структурированием), категоризации (интегрирование в разряды), конвенции (объективация мысли) и интерпретации (осуществленное понимание) включает ещё одно, не менее важное средство, которое мы, вслед за отечественным философом Я.Э. Голосовкером, называем имажинацией (механизм воображения, которое понимается как присущая человеческой природе одновременно и творческая, и познавательная сила).

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. История лингвистических учений / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : БелГУ, 2013. – 401 с.
2. Балашов Д. М. Сергей Радонежский / Д. М. Балашов. – М. : Астрель, Харвест, АСТ, 2011. – 512 с.
3. Baranchelli A. Network in Cognitive Science / A. Baranchelli, R. Ferrer-i-Cancho, R. Pastor-Satorras, N. Chater, M. H. Christiansen // Trends in Cognitive Science. – 2013. – № 17. – P. 348–360.
4. Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют / Я. Э. Голосовкер. – М. : Академический проект, 2012. – 320 с.
5. Rilling J. K. Social Interaction / J. K. Rilling // Encyclopedia of Neuroscience, 2010. – P. 41–48.
6. Üth W. Social identity and trust. An experimental investigation / W. Üth, M. V. Levati, M. Ploner // Journal of Socio-Economics. – 2008. – № 37. – P. 1293–1308.

References

1. Alefirenko N.F. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy [History of linguistic teachings]. Belgorod: BelSU, 2013. 401 p.
2. Balashov D.M. Sergiy Radonezhsky [Sergiy Radonezhsky]. Moscow, Astrel, Harvest, AST, 2011. 512 p.
3. Baranchelli A., Ferrer-i-Cancho R., Pastor-Satorras R., Chater N., Christiansen M. H. (2013). Network in Cognitive Science. Trends in Cognitive Science, 17, pp. 348–360.
4. Golosovker Ya. E. Imaginativnyy absolyut [Imaginative Absolute]. Moscow, Academic Project, 2012. 320 p.
5. Rilling, J. K. (2010). Social Interaction. Encyclopedia of Neuroscience, pp. 41–48.
6. Üth, W., Levati M. V., Ploner M. (2008). Social identity and trust. An experimental investigation. Journal of Socio-Economics, № 37, pp. 1293–1308.